

Г.В. Судаков

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

ТРАНСФОРМАЦИЯ БИБЛЕЙСКОГО МИФА В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ КОМИКСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КОМИКСА «ГОЛИАФ» ТОМА ГОЛДА)

Статья посвящена проблеме использования библейского сюжета в комиксе – одном из синтетических жанров современной массовой культуры. Трансформация библейского мифа в этом случае используется как средство эпатажа читателя, но не обогащает эстетику комикса. Материалом исследования является комикс Тома Голда «Голиаф». Это произведение слабо связано с каноническим толкованием Библии, с «первоначальным смыслом». Автор лишает Голиафа мужественности и маскулинности, а текст насыщен просторечием и утратил библейский пафос. Игра с ожиданиями читателя – смысл подобных комиксов.

Библейский миф, постмодернизм, комикс, Том Голд, Голиаф.

Введение

Комиксы, в частности графические романы, будучи «соединением визуального и вербального компонентов» [6, с. 61], представляют исследовательский интерес для ученых-филологов своей литературной составляющей. В комиксе, так же как и в литературном произведении, можно встретить повествовательные техники и приемы, аллюзии, а также мифические и фольклорные мотивы. Анализируемый комикс привлекателен тем, что в нем используется библейский сюжет о Давиде и Голиафе.

Интерес к мифу постмодернизм наследует у модернизма. С начала XX века мифотворчество закрепляется в литературе, а потом перетекает и в другие виды искусства. Постмодернисты (несмотря на свою любовь к интертекстуальности) обращаются к мифу и фольклору несколько реже, чем их предшественники модернисты, однако делают это не менее занимательно, тем более что отношение к мифу и воплощение его в своем творчестве у них кардинально отличаются. Модернисты (Джойс, Кафка, Йейтс, Лоуренс и др.), как пишет Е.М. Мелетинский в «Поэтике мифа», обращаются к мифу «как к инструменту художественной организации материала и средству выражения неких “вечных” психологических начал или хотя бы стойких национальных культурных моделей» [7, с. 7]. Также в их текстах присутствует «идея вечной циклической повторяемости первичных мифологических прототипов под разными “масками”» (Там же, с. 8). Постмодернизм же, обращаясь к мифу, восстает против него: отказывается от всяческих конвенций, «моделей» и «масок». Как отмечает Г.Г. Ишимбаева, «миф, трансформированный в литературу постмодернизма, диаметрально образом изменяет свое звучание, что <...> подтверждает: основной принцип идеологии и поэтики постмодернизма заключается в отторжении им всего привычного и усто-

явшегося – будь то в философии, искусстве или мифологии» [4, с. 150]. Именно это мы наблюдаем в «Голиафе» Тома Голда [3].

Как известно, Библия считается архетекстом, то есть, как пишет Г.В. Синило, «текстом, стоящим у истоков той или иной культуры и являющимся ее ядром» [8, с. 20], в данном случае – культуры иудейско-христианской. «Библия является <...> архетекстом не только для религиозной, но и для светской европейской культуры и литературы», – отмечает исследовательница (Там же). Похожий вывод делают в своей статье Дональд Б. Линдси и Джон Хирен: Библию они называют «составной частью нашей общей культуры», которая позволяет «облегчить общение между автором и аудиторией» [12, с. 75]*. Однако в случае «Голиафа» комиксист не пользуется таким подходом, у него нет задачи яснее донести до читателя свое мнение. Получается иной эффект: читатель заранее знает, как должен закончиться комикс, в его сознании уже имеются привычные образы Давида и Голиафа, соответственно возникают некоторые ожидания. Голд в одном из своих интервью говорил, что ему нравится «полагаться на то, что читателю знаком [библейский] сюжет и играть с его ожиданиями» [10]. Постмодернистский комикс, конечно, не соответствует им, о чем будет сказано ниже.

Существует не так много постмодернистских комиксов с интерпретацией «вечных» библейских сюжетов и образов, а именно они и представляют наибольший интерес. Взаимодействие древнего текста Священного Писания и постмодернистской эстетики является малоизученной, но очень привлекательной для исследования темой. «Голиаф» – без преувеличения редкий комикс в этом отношении, что мы и намерены показать.

* Здесь и далее, если не указано иное, пер. с англ. наш.

Два Голиафа

В своем комиксе Голд предлагает новое прочтение эпизода из Первой книги Царств, смещая фокус внимания с Давида на филистимлянина Голиафа. В Библии Голиаф предстает грозным воином «ростом в шесть локтей с пядью» (1 Цар. 17:4) [2, с. 324] (около трех метров), вооруженным и облаченным в тяжелые доспехи. Он выходит к израильтянам и говорит следующее: «Выберите кого-нибудь для поединка со мной. Если он одолеет меня и убьет, то мы вам станем рабами. Но если я одолею его и убью, то вы станете нам рабами и будете нам служить» (1 Цар. 17:8-9) (Там же). Отметим, что эти же слова произносит и Голиаф Голда. Хотя в Священном Писании ничего не сказано ни о характере или внутреннем мире Голиафа, ни о его боевых навыках, мы представляем его опасным и искусным воином. В уже упомянутом интервью Голд говорит, что Голиаф – «едва ли персонаж», скорее «набор параметров». Он также называет сюжет «односторонним», «умолявшим о другом взгляде» [10]. Отметим, что Голд, создавая образ флегматичного и не умеющего драться Голиафа, формально не противоречит Библии, а дополняет ее. Этот комикс – не совсем альтернативная история, скорее расширение существующего канонического сюжета.

Однако нельзя отрицать, что в восприятии читателя Голиаф Голда совершенно непохож на своего библейского прототипа, хотя действия обоих героев почти ничем не отличаются. Голд наделяет своего Голиафа голосом и мыслями, благодаря которым формируется этакый постмодернистский Голиаф: миролюбивый, робкий, несколько пассивный. Это положительный герой, он вызывает сочувствие и умиление. Голд так объясняет стремление добиться подобного эффекта: «Мы обычно думаем об этой истории как о “мальчике против великана”, но на самом деле это “мальчик и всемогущий Творец всей вселенной против великана”, и если смотреть на это так, то нельзя не сочувствовать Голиафу» (Там же). Таким образом, читатель встает на сторону филистимлян, которые воюют с израильтянами. Иначе говоря, читатель со своим желанием победы Голиафу, сам того не желая и не сразу это замечая, начинает оппонировать самому Богу. Читатель может осознать это позже, рефлексировав над прочитанным. Однако никаких нападок на религию в комиксе нет: Голд не хотел изображать Давида как «мошенника или злодея», равно как и не имел намерения делать «антирелигиозную» книгу (Там же).

Контекстуальная герменевтика

Если рассматривать «Голиафа» Тома Голда с точки зрения библейской герменевтики, то этот комикс является примером контекстуального подхода к толкованию Библии. А.В. Арапов в связи с этим пишет, что «последователи т.н. “контекстуальной герменевтики” вообще мало заинтересованы в выявлении первоначального смысла текста, для них важнее такая интерпретация, которая позволяет получить смыслы,

наиболее актуальные в данный момент» [1, с. 113]. Действительно, рассматриваемый нами комикс не имеет никакого отношения к каноническому толкованию Библии, к «первоначальному смыслу». Автор лишает Голиафа мужественности и маскулинности. Герой, которого создает Голд, выглядит совершенно обычным, даже несколько посредственным. Примечательно, что в комиксе затрагивается тема брака: жены у Голиафа нет, и он никак не реагирует на намек своего щитоносца о том, что можно было бы жениться на одной из его (щитоносца) шести двоюродных сестер.

Такое прочтение библейского мифа соответствует гендерному подходу и критике токсичной маскулинности и стереотипов. Библейский Голиаф как бы воплощает их, а Голиаф Голда является ответом и оппозицией всей общественной системе, которая порождает гендерные клише и создает стандарты, которым должен подчиняться «настоящий мужчина». Это толкование мифа идет вразрез не только с традиционными толкованиями этого эпизода, но и противоречит известному маскультному тропу, который так и называется «Давид против Голиафа». Этот троп – «бой или соревнование, где [положительным] героем является аутсайдер (underdog)» [11].

Рис. 1

Отметим также, что контекстуальному прочтению способствует язык, используемый автором. Он прост и будто осовременен. Библейского пафоса почти нет. Он остался только в словах, которые произносит (точнее, зачитывает с данной ему бумажки) Голиаф израильтянам, и в словах Давида, которые он произносит перед своим подвигом. Эти реплики являются

цитатами из Священного Писания. В целом же регистр текста не соответствует библейской основе, местами он снижен, а герои обсуждают незначительные и не вполне приличные темы. Тем же приемом пользуются современные поэты-постмодернисты Сергей Стратановский и Тимур Кибиров. В стихотворениях, посвященных библейской тематике (а именно «Исаак против Авраама» Стратановского [9] и «Блудный сын» Кибирова [5]), они используют жаргонную лексику и просторечные слова, что приближает описываемое к современному читателю, заставляет по-другому посмотреть на библейские сюжеты и их героев.

При чтении рассматриваемого комикса у читателя возникает диссонанс: во-первых, хорошо знакомый библейский сюжет предстает совсем по-иному; во-вторых, праздные разговоры героев не соответствуют пафосу библейского повествования, на одном развороте соседствуют незамысловатые заурядные фразы и цитаты из Библии.

Постмодернистская гравюра

«Голиаф» нарисован очень минималистично: Голд использует геометрические фигуры и линии, задействовано всего три цвета: коричневый, черный и белый. При этом техника рисования очень напоминает гравюру. В этой связи нельзя не вспомнить многочисленные гравюры Гюстава Доре на библейские сюжеты. Однако для Доре были важны мельчайшие детали и реалистичность. Голд отказывается от этого, ему важнее передать суть минимальными средствами. Также стоит отметить, что Голд избегает кровавой сцены отрезания головы, мы видим лишь брызги крови, в то время как на гравюре Доре, посвященной этому сюжету, Давид гордо держит голову великана над собой, стоя у его большого тела. Давид у Доре торжествует, филистимляне трепещут, а Голд благонамеренно избавляет читателя от подобной сцены, тем более что в его интерпретации Голиаф не заслужил такой судьбы. Чувство диссонанса растет: теперь это не только сюжет и реплики героев, но и нарочито примитивная рисовка с забавными графическими решениями, что не соответствует одной из величайших книг в истории человеческого рода. Таким образом, диссонанс проявляется на всех уровнях комикса: сюжетном, лексическом и графическом.

Выводы

Комикс «Голиаф» Тома Голда разрушает привычный миф о Давиде и Голиафе, что характерно для постмодернистской эстетики, к которой он принадлежит. Разрушение мифа сопряжено с «выворачиванием наизнанку» образа великана Голиафа, что, во-первых, ставит читателя в несколько необычное положение, заставляя сочувствовать тому, кто всегда казался отрицательным героем. Во-вторых, используя миф как основу, но в то же время выхолащивая его, автор предлагает новое его прочтение – с точки зрения ген-

дера: Голиаф Голда в рецепции читателя далек от своего библейского прототипа, даже противоположен ему. Во многом благодаря этой разнице рассматриваемый комикс можно полагать критикой нарочитой, отталкивающей маскулинности.

В «Голиафе» наблюдаем не только отход от библейского мифа и устоявшегося за многие века теологического толкования, но и противоречие тропу «Давид против Голиафа», который прочно закреплен в сознании многих благодаря различным произведениям массовой культуры. При этом Голд формально не противоречит тексту Библии, а только вносит в него свои дополнения. В этом комиксе отчетливо прослеживается стремление автора играть с ожиданиями читателя, вызвать у него чувство диссонанса.

«Голиаф» – очень показательный для постмодернистского сознания комикс еще и потому, что заставляет по-другому увидеть героев, которые застыли, окостенели в сознании читателя. Комикс Голда оживляет библейского персонажа, очеловечивает его, значительно сокращая расстояние между нами и библейскими временами.

Литература

1. Арапов, А. В. Постмодернистская библейская герменевтика / А. В. Арапов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2011. – № 4. – С. 112–121.
2. Библия. – Москва : Российское Библейское общество, 2011. – 1407 с.
3. Голд, Т. Голиаф / Т. Голд ; перевод с английского Виктора Меламеда. – Изд. 2-е, испр. – Санкт-Петербург : Бумкнига, 2019. – 96 с.
4. Ишимбаева, Г. Г. Трансформация библейского мифа в литературе постмодернизма («Агасфер» Стефана Гейма) / Г. Г. Ишимбаева // Вестник Челябинского государственного университета. – 1997. – № 1. – С. 144–150.
5. Кибиров, Т. Ю. Греко- и римско-кафолические песенки и потешки / Т. Ю. Кибиров. – Москва : Время, 2011. – 79 с.
6. Лисович, И. И. Комикс как творческая форма обучения: визуализация теорий, концептов и феноменов культуры / И. И. Лисович // Вестник ВоГУ. Серия: исторические и филологические науки. – 2018. – № 2. – С. 61–65.
7. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – 3-е изд., репр. – Москва : Восточная литература РАН, 2000. – 407 с.
8. Синило, Г. В. Библия как «осевой» архетекст европейской литературы (на примере немецкой лирической поэзии) / Г. В. Синило // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. – 2017. – № 3. – С. 19–29.
9. Стратановский, С. Г. Смоковница: стихи разных лет / С. Г. Стратановский. – Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 2010. – 62 с.
10. Campbell, H. Small Human Ordinarity: An Interview With Tom Gauld / H. Campbell. – URL: <https://www.tcj.com/small-human-ordinarity-an-interview-with-tom-gauld/> (дата обращения: 12.03.2023). – Text : Electronic.
11. David Versus Goliath. TV Tropes. – URL: <https://tvtropes.org/pmwiki/pmwiki.php/Main/DavidVersusGoliath> (дата обращения: 27.01.2023). – Text : Electronic.
12. Lindsey, D. B. Where the Sacred Meets the Profane: Religion in the Comic Pages / D. B. Lindsey, J. Heeren // Review of Religious Research. – 1992. – № 34 (1). – P. 63–77.

G.V. Sudakov

**TRANSFORMATION OF THE BIBLICAL MYTH IN A POSTMODERN COMIC BOOK
(BASED ON A COMIC BOOK *GOLIATH* BY TOM GAULD)**

The article is devoted to the problem of the use of biblical motifs in comics – one of the synthetic genres of modern mass culture. Any biblical myth transformation is used as a means of shocking the reader, but it does not enrich the aesthetics of a comic. The research material is T. Gold's comic book *Goliath*. This comic is loosely connected with the canonical interpretation of the Bible, with its «original meaning». The author deprives Goliath of his masculinity, and the text is saturated with the vernacular and has lost the biblical pathos. The comics are intended to play with the reader's expectations.

Biblical myth, postmodernism, comic, Tom Gauld, Goliath.